

Агония света

Залевская Анна

18+

Анна Залевская

Агония света

<https://litres.ru/74065898>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мой дар — эмпатия. Я вбираю в себя чужую боль, чужие болезни, чужие смерти. За семь лет я спасла сто сорок три жизни и едва не погубила свою. Когда я решила покончить со всем, меня вытащил из реки незнакомец с серебряной аурой. Теперь я студентка Академии магии, а он курсант-инквизитор, который должен охотиться на таких, как я. Он спас меня. Он должен меня ненавидеть. Но почему тогда он смотрит так, будто я — единственное, ради чего стоит нарушить все законы?

Анна Залевская

Агония света

Агония света.

Глава 1. Дно

Я пришла на мост, когда солнце уже умирало.

Оно истекало кровью в чёрной воде — багровые потёки расплзались по ряби, словно рана, которую некому исцелить. Я смотрела на это и чувствовала странное, горькое родство. Мы с этим закатом были похожи. Оба догорали. Оба никому не были нужны.

Ветер трепал мой плащ — старый, чужой, украденный с чьего-то огорода месяц назад. Под ним — платье, которое я не стирала так давно, что оно намертво пропиталось запахом подворотен: сыростью, дымом, чужим потом. Я помнила времена, когда одежда пахла лавандой. Мама всегда клала в сундук мешочки с сушёными цветами. «Чтобы ты пахла летом, моя Эли», — говорила она.

Мама. Я запретила себе думать о ней. Но мысли не слушались. Они вообще никогда не слушались — чужие мысли, чужая боль, чужие страхи. Они лезли в мою голову без сту-

ка, как непрошенные гости, и оставались там гнить.

Я подошла к самым перилам. Пальцы легли на холодный камень. Внизу, в тридцати футах подо мной, вода билась о каменные опоры — жадно, нетерпеливо. Она ждала.

Наклонившись, я увидела своё отражение.

Из воды на меня смотрела чужая женщина.

Я помнила себя другой. Тоненькая девочка с пепельными косами, которые мама заплетала, напевая глупые песенки. У той девочки был смех — звонкий, как колокольчик, и глаза чистого небесного цвета.

Сейчас из реки глядело существо с заострившимися скулами, обтянутыми восковой кожей. Глаза запали так глубоко, что казались двумя чернильными провалами — проклятие всегда проступало в минуты сильных чувств, выедавая голубизну из радужки. Под этими глазами залегли тени — не синяки недосыпа, а нечто иное. Следы чужой боли. Я носила их, как медали. Вернее, как клеймо.

Висок пересекала тонкая голубая нить вены, пульсирующая даже сейчас — слишком близко к поверхности, слишком заметно. Я выглядела так, будто меня можно разбить

одним прикосновением. Хрупкая. Прозрачная. Фарфоровая кукла, которую выбросили за ненадобностью.

Я подняла руку к лицу. Рукав плаща соскользнул, обнажив запястье. Даже в сумерках было видно — оно всё исполосовано. Не порезы, нет. Это были чужие раны. Когда я вытягивала боль из умирающих и больных, их увечья иногда отзеркаливались на моей коже. Вот этот рваный шрам — девочка, попавшая под телегу. Вот этот ожог — старик-погорелец. А вот эти три параллельные линии — женщина, которую ревнивый муж полоснул ножом. Я спасла её. Она выжила и ушла к нему обратно. А шрамы остались у меня.

Я вела счёт. Неосознанно, как другие считают дни до праздника. Сто сорок три человека. Сто сорок три раза я вбирала в себя чужое страдание, чтобы подарить им облегчение. И знаете, что я получила взамен?

Ни одного «спасибо».

Нет, я не ждала благодарности. Я вообще ничего не ждала. Но когда та самая женщина, которую я вытащила с того света, закричала «Ведьма!» и швырнула в меня камнем... что-то во мне сломалось. Не сердце — сердце я разучилась чувствовать. Сломался какой-то крошечный механизм внутри, который всё ещё верил, что мир можно исправить.

А потом была мама. Когда мой дар проснулся впервые, мне было двенадцать. Мама умирала от лихорадки — той, что выжигает лёгкие за три дня. Я просто держала её за руку. Просто не хотела, чтобы она уходила. И магия, дремавшая во мне, рванулась наружу. Я втянула болезнь в себя. Всю, до капли. Мамины лёгкие очистились, а мои — забились огнём и слизью. Три дня я горела в бреду, выкашливая куски чужой смерти. А когда очнулась — мама смотрела на меня не с благодарностью. С ужасом.

«Ты не моя дочь, — прошептала она, пятясь к двери. — Моя Эли умерла. Ты — тварь, что заняла её тело».

Она выгнала меня. Двенадцатилетнюю девочку, которая спасла ей жизнь.

С тех пор прошло семь лет. Семь лет скитаний, ночёвок в канавах, побоев, голода и бесконечного, изматывающего служения людям, которые плевали мне в лицо. Я лечила их тайком, по ночам, как воровка. Прокрадывалась в лачуги бедняков, касалась их гноящихся ран, вбирала в себя их боль и убегала прежде, чем они проснутся и увидят «чудовище». Я была тенью. Призраком. Никем.

И вот теперь я стою на мосту.

За моей спиной — город. Он гудит вечерними голосами: где-то играет музыка, где-то кричит пьяный, где-то плачет ребёнок. Жизнь продолжается. Она всегда продолжается — без меня.

Я кладу ладони на холодные каменные перила. Смотрю вниз. Там, в черноте, нет ничьей боли. Там нет голосов, которые зовут на помощь. Там — тишина. Вечная, глухая, обещанная тишина.

Боги, как же я устала.

Не физически — физическая боль стала моей нормой. Я устала от другого. От бесконечного крика внутри. Представьте, что вы носите в себе сотню умирающих людей. Они стонут, они зовут матерей, они проклинают, они просят пощады — и всё это звучит одновременно, неумолкающим хором, от которого нельзя закрыть уши. Каждый исцелённый оставляет во мне свой след. Не только шрам на коже — отпечаток в душе. Я помню их всех. Я чувствую их всех. Я — братская могила, в которой мёртвые не умирают до конца.

Вода внизу кажется такой спокойной. Она обещает покой. Не смерть — я не боюсь смерти. Я боюсь жить дальше.

Я перекидываю ногу через перила. Камень холодит бёдра сквозь ткань плаща. Ветер усиливается, бросает мне в лицо пряди волос — они выбились из пучка, как всегда. Небрежные, пепельные, почти седые в сумеречном свете. Вторая нога. Я стою на самом краю, держась только кончиками пальцев за скользкий камень.

Вдох.

Выдох.

И тогда я слышу его.

— Не смей.

Голос — резкий, стальной, как лезвие клинка. Он разрывает тишину моста, и я вздрагиваю, чуть не соскользнув раньше времени. Пальцы сами сжимаются крепче. Я оборачиваюсь.

Он стоит в десяти шагах от меня. Высокий, в тёмном мундире, с серебристыми искрами на кончиках пальцев — магия? антимагия? — и смотрит прямо на меня. Я не вижу его лица, только силуэт, подсвеченный последними лучами заката. Но этот силуэт излучает силу. Приказ.

— Отойди от края, — говорит он. Не просит. Приказывает.

— Уходите, — хриплю я. Мой голос — как скрежет несмазанной двери. Я забыла, когда говорила в последний раз. — Пожалуйста. Просто уйдите.

— Нет.

Он делает шаг ко мне. Я качаю головой и разжимаю пальцы.

Падение — это секунда. Может, две. Но для меня оно растянулось в вечность. Ветер рванул волосы вверх, плащ взметнулся крыльями, а в голове — тишина. Первая настоящая тишина за много лет. Я закрыла глаза и улыбнулась. Наконец-то.

А потом что-то ударило по мне — нет, не по телу, по самой магии внутри. Резкий, электрический разряд, который погасил крики в моей голове, как гасят свечи. Я распахнула глаза и увидела серебряную рябь, обволакивающую моё падающее тело. Чужая сила. Она душила мою магию, и вместе с ней — чужую боль. Впервые с двенадцати лет я почувствовала “ничего”.

Тишина. Не та, что ждёт после смерти. Другая. Живая.

Я ударилась о воду, но удар смягчило серебристое свечение. Ледяная река сомкнулась надо мной, а потом — рывок. Чьи-то руки, сильные, безжалостные, схватили меня за шиворот и потащили наверх. Я не сопротивлялась. Я не могла. Я всё ещё тонула в этой невозможной тишине.

Берег. Мокрая трава. Меня швырнули на землю, перевернули на спину. Вокруг — звёзды, первые, робкие, проступающие в темнеющем небе. И над ними — он. Человек, склонившийся надо мной. Его лицо всё ещё скрыто тенью, но я вижу, как на его коже гаснут серебряные искры, как тяжело он дышит. С его волос капает речная вода. Он что-то говорит — кажется, ругается.

А потом он наклоняется ниже, и я слышу сквозь звон в ушах:

— Жить, дура... Жить надо.

Голос срывается. В нём не холод приказа. В нём ярость. И что-то ещё. Что-то похожее на страх.

Он выпрямляется, отворачивается. Я протягиваю руку — зачем? Чтобы удержать? Чтобы спросить имя? Но пальцы

хватают лишь пустоту. Его шаги удаляются по мокрой траве — быстрые, чёткие, удаляющиеся в темноту.

Я остаюсь одна. Мокрая, дрожащая, живая.

И тогда — первый всхлип. Он вырывается из груди, как зверь из клетки. Следом второй, третий. Я сворачиваюсь клубком на холодной земле, прижимаю колени к груди и плачу. Плачу так, как не плакала ни разу за семь лет — с того самого дня, когда мама закрыла передо мной дверь.

Это не благодарность. Не облегчение. Это — прорыв. Словно кто-то проткнул нарыв, и весь гной, копившийся годами, хлынул наружу. Я плачу о девочке, которая спасла мать и потеряла дом. Я плачу о ста сорока трёх людях, чью боль я ношу под кожей. Я плачу о женщине с изрезанными руками, которая боялась своего отражения. Я плачу о себе — о той, кто пять минут назад стояла на мосту и верила, что миру без неё будет лучше.

Но кто-то нырнул за мной в ледяную реку.

Кто-то — чужой, незнакомый, страшный — не дал мне умереть.

Он не спросил моего имени. Не остался, чтобы выслушать

историю. Просто вытащил, бросил на берег, как ненужный улов, и ушёл. Но эта его фраза — грубая, злая — пульсирует во мне, как вторая вена.

«Жить, дура. Жить надо».

Я не знаю, кто он. Я не знаю, увижу ли его снова. Но этой ночью, лёжа на мокрой траве под равнодушными звёздами, я впервые за семь лет задаю себе вопрос не «За что?», а «Что дальше?».

И, наверное, это уже кое-что.

Глава 2. Дар

Я не помню, как добралась до города.

Ноги сами несли меня по размытой дождём дороге, спотыкаясь о корни и камни. Мокрая одежда липла к телу, волосы свисали грязными сосульками, зубы выбивали дробь — то ли от холода, то ли от пережитого потрясения. А может, от того и другого сразу.

В голове было пусто. Впервые за семь лет — по-настоящему пусто. Хор чужих голосов стих, будто кто-то накрыл его стеклянным колпаком. Я знала, что это ненадолго — магия

уже начинала пробуждаться, покалывая кончики пальцев, — но даже эта короткая передышка была похожа на глоток воды в пустыне.

Тот человек... кем бы он ни был... он подарил мне тишину. Не просил благодарности. Даже имени не спросил. Просто вытащил и ушёл.

Я не знала, что чувствовать. За семь лет я привыкла к боли и презрению. Но к такому — к тому, что кто-то рискнёт жизнью ради незнакомой девушки с моста, — я была не готова.

Город встретил меня тусклыми огнями. Я брела по кривым улочкам Нижнего квартала, сама не зная куда. Ноги привели к старому трактиру «Три свечи» — одному из тех мест, где я иногда грелась у задней двери, пока повар не прогонял меня половником. Сегодня задняя дверь была открыта.

Я проскользнула внутрь.

В кухне пахло требухой и кислым пивом. В дальнем углу, на куче мешков, спал мальчишка-посудомойка. Я опустилась на пол у тёплой печи, обхватила колени руками и закрыла глаза.

«Жить, дура. Жить надо».

Глупые слова. Злые. Он ведь ничего обо мне не знал. Не знал о ста сорока трёх людях, чья боль живёт во мне. Не знал о матери, которая назвала меня чудовищем. Не знал о ночах в канавах, о камнях, которые бросали мне в спину, о холоде и голоде. Он просто увидел падающую девушку и прыгнул. Как будто это что-то меняло.

Но тишина в моей голове говорила об обратном.

Я не заметила, как провалилась в сон. Мне ничего не снилось — впервые за много лет. А проснулась я от крика.

— Господин! Господин, что с вами?!

Я вскочила. В общем зале трактира творилась суматоха. Люди столпились вокруг кого-то, лежащего на полу. Я машинально шагнула ближе, хотя разум кричал: уходи, не вмешивайся, ты же хотела умереть, помнишь?

Но ноги уже несли меня к толпе.

На полу лежал старик. Богато одетый, с дорогой тростью, выпавшей из руки. Его лицо было серым, губы посинели, а пальцы скрючились, вцепившись в грудь. Сердце. Я видела

такое десятки раз — боль, похожая на раскалённый штырь, пронзающий грудь, и холодный пот, и дыхание, которое становится всё реже и реже.

— Позвольте пройти! — мой голос прозвучал хрипло, но твёрдо.

Толпа расступилась, и я опустилась на колени рядом со стариком. Кто-то схватил меня за плечо:

— Ты кто такая? Не трогай его!

— Я целительница, — соврала я. Ну, почти соврала. — Ему нужна помощь.

Старик умирал. Его боль кричала так громко, что даже сквозь остаточную тишину я слышала её — резкую, пульсирующую, затапливающую сознание. Сердце отказывало. Если я не вмешаюсь, через пять минут он будет мёртв.

Я заколебалась.

После прыжка с моста — после того, как я решила, что больше не хочу нести это бремя, — имела ли я право снова брать чужую боль? Имела ли я право не брать?

Мои пальцы легли на его грудь.

И мир взорвался.

Боль хлынула в меня, как река, прорвавшая плотину. Я вскрикнула, но не отстранилась. Сердце старика сжималось в спазмах — и я чувствовала это своим сердцем. Его кровь, густая от возраста и болезней, едва текла по сосудам, и моя собственная кровь замедлилась в ответ. Перед глазами поплыли красные круги. Где-то далеко кричали люди, но я их не слышала — только рваный ритм чужого пульса, который становился моим.

Я вытягивала смерть. По капле. По ниточке. Это было похоже на то, как если бы я голыми руками вытаскивала из раны осколки стекла — каждый порез, каждый нерв, каждую агонию. Старик умирал долго и мучительно, и всё это теперь становилось моим.

А потом — разрыв.

Его сердце ударило в последний раз и замерло. Но не в нём — во мне. Я приняла этот удар, как принимала сотни раз до этого. Моё тело дёрнулось, из горла вырвался хрип, и я рухнула на пол рядом со стариком.

Темнота.

Кажется, прошла вечность.

Я очнулась от того, что кто-то поднёс к моему носу флакон с нюхательной солью. Резкий запах ударил в мозг, и я закашлялась, возвращаясь к жизни.

— Ну вот, очнулась, — произнёс старческий, но живой голос. — Я же говорил, она жива.

Я открыла глаза.

Надо мной склонился тот самый старик. Его лицо больше не было серым — на щеках играл румянец, губы порозовели, а глаза... Глаза у него были необычные. Очень светлые, почти прозрачные, с серебристым ободком вокруг зрачка. Он смотрел на меня изучающе, и в этом взгляде не было ни страха, ни отвращения. Только интерес.

— Где я? — прошептала я.

— В моём доме, дитя. — Старик помог мне сесть. — Ты потеряла сознание в трактире. Мои люди перенесли тебя сюда.

Я огляделась. Комната была богатой — резная мебель, бархатные портьеры, камин с настоящим огнём. От моего мокрого тряпья на полу остались грязные разводы.

— Вы... вы должны были умереть, — вырвалось у меня. Я тут же прикусила язык. Дура. Кто так разговаривает с аристократами?

Но старик только усмехнулся.

— Должен, — согласился он. — И умер бы, если бы не ты. — Он помолчал. — Знаешь, я прожил долгую жизнь. Семьдесят два года. Был советником двух королей. Пережил три войны и одну эпидемию моровой язвы. Но то, что ты сделала... я не видел ничего подобного.

Я сжалась, ожидая привычного: «Кто ты?», «Что ты за тварь?», «Ведьма!». Но старик не кричал.

— Меня зовут Альвик, — сказал он. — Магистр Альвик из Королевского Совета. Когда-то я возглавлял кафедру теоретической магии в Академии. Ушёл в отставку пять лет назад, но связи остались. — Он наклонился ко мне. — А теперь скажи мне, дитя: как давно ты носишь это проклятие?

Я вздрогнула. Он назвал это проклятием. Не даром. Не

магией. Проклятием. Он понимал.

— Семь лет, — ответила я. — С двенадцати.

— И ты до сих пор жива?

— Я не знаю, можно ли это назвать жизнью.

Он долго смотрел на меня. Потом медленно кивнул:

— Эмпатия такого уровня убивает носителя за год. Максимум — за два. Ты либо очень сильна, либо очень упряма. — Он помолчал. — Либо и то, и другое.

Я не знала, что ответить. Альвик тем временем поднялся и подошёл к столу. Достал из ящика лист плотной бумаги с гербовой печатью.

— Это именной грант, — сказал он, протягивая мне документ. — Подписанный лично мной. Он даёт право на бесплатное обучение в Королевской Академии Магии по специальности «Боевая медицина». Общежитие, питание, учебные материалы — всё за счёт казны.

Я уставилась на бумагу, не смея прикоснуться.

— Зачем? — прошептала я. — Вы меня даже не знаете.

— Я знаю достаточно. — Альвик усмехнулся. — Ты спасла мне жизнь, хотя могла пройти мимо. Ты носишь в себе силу, которую не понимаешь и не контролируешь. И судя по шрамам на твоих запястьях, эта сила скоро тебя убьёт — если ты не научишься ею управлять. — Он помолчал. — Академия — твой шанс. Не благодари меня. Просто используй его.

Я взяла бумагу. Пальцы дрожали.

— Если бы вы знали, кто я... — начала я, но Альвик перебил:

— Я знаю, кто ты. Ты — та самая девушка, которую выгнали из дома за тёмный дар. Та, что лечила бедняков по ночам. Та, что вчера прыгнула с моста. — Он помолчал. — Мне доложили. У меня есть связи не только в Академии.

Я открыла рот, но не смогла вымолвить ни слова.

— Иди, — мягко сказал он. — Приведи себя в порядок. Моя экономка выдаст тебе одежду. А завтра — в Академию. Занятия начинаются через три дня.

Я вышла из его дома, сжимая в руках грант.

Улица встретила меня солнечным светом — ярким, почти режущим глаза после полумрака богатых покоев. Я стояла на крыльце и не могла пошевелиться.

Что это было? Награда? Судьба? Глупая случайность?

Ещё вчера я стояла на мосту и прощалась с жизнью. А сегодня у меня в руках — будущее. Место в Академии. Шанс научиться контролировать проклятие. Шанс перестать быть чудовищем.

Я вспомнила слова незнакомца с серебряными искрами: «Жить надо».

Может быть. Может быть, и правда надо.

Я вдохнула холодный воздух и, сама не зная зачем, улыбнулась. Впервые за много лет — не горькой, не вымученной улыбкой. Просто улыбнулась, потому что солнце грело лицо, а в руке был грант, и где-то далеко, за шпилями городских башен, меня ждала Академия.

Я не знала, что меня там встретит. Не знала, что он — тот самый парень с моста — учится там же, на последнем курсе.

Не знала, что Инквизиция уже приглядывается к странной эмпатке из Нижнего города. Не знала, что профессор Гелиодор Эшер ждёт ученицу с моим даром уже много лет.

Я просто шла вперёд, сжимая в кармане смятый лист бумаги и слушая, как в груди — впервые за долгое время — бьётся что-то, похожее на надежду.

Глава 3. Башни из слоновой кости

Академия оказалась именно такой, какой я её представляла в детстве. И одновременно — совершенно иной.

Она выростала из холма, как каменный лес: шесть остроконечных башен, соединённых воздушными мостами, главный корпус с куполом из синего стекла, отражающим небо, и стены, сложенные из серого камня, по которому вились плющ и светящийся мох. Даже в пасмурный день Академия сияла — то ли магией, то ли богатством, то ли тем и другим сразу. Я стояла у ворот, сжимая в руке грант, и чувствовала себя грязным пятном на белоснежной скатерти.

Стражник у входа долго изучал мои документы. Его взгляд скользил по мне — по мешковатому платью, выданному экономкой магистра Альвика (единственному, что нашлось, и всё равно великоватому), по стоптанным ботинкам,

по лицу, которое даже хороший сон не смог сделать менее измождённым. Я ждала, что он скажет: «Ошибка, возвращайся в свою канаву». Но он только хмыкнул и махнул рукой:

— Главный корпус, второй этаж, канцелярия. Там получишь ключ от комнаты и расписание.

Я вошла.

Внутри Академия пахла старыми книгами, воском и чем-то острым — магическими реагентами? По коридорам сновали студенты в мантиях разных цветов: тёмно-синие с серебром (боевой факультет), зелёные с золотом (целители), фиолетовые с чёрным (артефакторы). Они смеялись, обсуждали что-то, перебрасывались заклинаниями-фейерверками. Их лица были такими... беззаботными. Они не прятали взгляд. Не вздрагивали от каждого окрика. Не носили под рукавами шрамы от чужих ран.

Я чувствовала себя призраком на пиру живых.

В канцелярии меня встретила сухая женщина с пучком седых волос и таким выражением лица, будто она только что съела лимон.

— Имя?

— Элиана... — я запнулась. Фамилию? У меня не было фамилии. Мама носила фамилию отца, а отец умер, когда я была младенцем. — Просто Элиана.

Женщина подняла бровь, но ничего не сказала. Полистала бумаги, нашла моё имя, поставила печать.

— Факультет боевой медицины. Корпус целителей, третий этаж, комната триста четыре. Соседка — Мира Кесслер, факультет изящных искусств, специализация «иллюзии». Расписание получишь у коменданта. Следующий.

Меня выставили за дверь прежде, чем я успела задать хоть один вопрос.

Корпус целителей находился в западной башне. Я шла по воздушному мосту, и ветер трепал мои волосы, выбивая их из небрежного пучка. Внизу раскинулся внутренний двор — сад с фонтаном в центре, где на скамейках сидели студенты. Я на мгновение остановилась, глядя на них. Когда-то я мечтала быть одной из них. Мечтала, что у меня будет мантия, и друзья, и учебники с золотыми обрезами. Потом перестала мечтать. А теперь...

Дверь комнаты триста четыре была приоткрыта. Изнутри доносилось пение — весёлое, фальшивое, перекрываемое звоном стеклянных баночек. Я замялась на пороге, не зная, стучать или нет. И тут дверь распахнулась сама.

— Ой!

На меня уставилась девушка. Невысокая, круглолицая, с двумя растрёпанными хвостами пшеничного цвета и ярко-васильковыми глазами, которые сейчас были распахнуты от удивления. На носу у неё сидела россыпь золотистых веснушек, а на щеках играли ямочки — даже сейчас, когда она явно не улыбалась, они угадывались где-то под кожей, готовые проявиться в любой момент. Одета она была в уютное вязаное платье лимонного цвета, а на ногах у неё красовались разноцветные чулки — один зелёный, другой оранжевый. Сразу видно: человек либо безумен, либо гениален. Либо и то, и другое.

— Ты, наверное, моя соседка! — воскликнула она. — Элиана, да? Меня Мира зовут. Мира Кесслер. Заходи, заходи! Я тут как раз раскладываю свои причиндалы.

Она посторонилась, впуская меня внутрь. Комната оказалась небольшой, но светлой: два окна, две кровати, два стола, два шкафа. Одна половина уже была обжитой — на крова-

ти лежало лоскутное одеяло, на столе громоздились баночки с разноцветными порошками, а над изголовьем висела гирлянда из бумажных звёзд. От этой половины веяло теплом и уютом. Вторая половина была пустой и безликой.

— Ты какая-то бледная, — сказала Мира, разглядывая меня без всякого стеснения. — И мокрая. Или это так волосы блестят? Исхудала — жуть. Тебя что, не кормили?

— Я... — начала я, но Мира уже схватила меня за руку и усадила на свою кровать.

— Сиди. Сейчас чай сделаю. У меня есть с мятой и с имбирём. Имбирь бодрит, мята успокаивает. Ты какая?

— Мятный, — выдавила я.

— Отлично!

Она засуетилась над чайником — не обычным, а магическим, который закипал от прикосновения пальца. Я сидела на краю её кровати и не знала, куда девать руки. Со мной давно никто не разговаривал. Вернее, разговаривали — «Пошла вон», «Ведьма», «Не трогай моих детей». Но так — будто я нормальный человек, — так со мной не говорили с двенадцати лет.

— Держи. — Мира сунула мне в руки горячую кружку. — Осторожно, не обожгись. Ну, рассказывай.

— Что рассказывать?

— Всё! Откуда ты? Какая у тебя магия? Почему ты такая... — она замялась, подбирая слово, — ...тихая?

Я сжала кружку обеими руками. Тепло от керамики просачивалось в ладони, и это было приятно. Почти как чужое присутствие. Почти как забота.

— Я из Нижнего квартала, — сказала я. — Магия... сложная. Целительская. А тихая я потому, что не привыкла говорить.

Мира кивнула, будто это всё объясняло.

— Понимаю. Я сама из деревни, знаешь? Там у нас вообще магов боялись. Когда у меня дар открылся, соседи хотели дом поджечь. — Она усмехнулась, но в глазах мелькнуло что-то серьёзное. — Пришлось уехать. Хорошо, что Академия берёт таких, как мы.

— Таких, как мы? — переспросила я.

— Ну, странненьких. — Мира улыбнулась, и ямочки на её щеках наконец проявились в полную силу. — У меня иллюзии. Я могу создать что угодно — цветы, бабочек, целый лес, — но все они будут ненастоящими. А у тебя, значит, целительство. Это круто! Целители всегда нужны. И вообще, — она вдруг подалась вперёд и заговорщицки понизила голос, — у нас тут на факультете боевой медицины такие красавчики учатся! Видела уже?

Я покачала головой. Мира драматично закатила глаза:

— Ну всё, будем исправлять. Завтра первое занятие, я тебе всех покажу. Кстати, — она порылась в своём столе и вытащила что-то мягкое, — это тебе.

На ладони у неё лежал вязаный светлячок. Крошечный, с голубыми крылышками из шёлка и брюшком из жёлтой шерсти. Он был сделан неумело — петли неровные, одно крыло чуть короче другого, — но в нём было столько тепла, что у меня защипало в носу.

— Это оберег, — пояснила Мира. — Сама вязала. Он не магический, не думай. Просто... для уюта. Когда мне было грустно, я всегда вязала. Помогает.

Я сжала светлячка в ладони. Он был мягкий, тёплый и пах мятой — наверное, пропитался от её рук.

— Спасибо, — прошептала я.

И тут случилось то, чего я не ожидала. Слезы — те самые, что я, казалось, выплакала на берегу реки, — снова подступили к глазам. Не горькие, не злые. Просто... тёплые. Я смотрела на эту чужую девушку с веснушками и разноцветными чулками, на её нелепый подарок, на гирлянду из бумажных звёзд над её кроватью, и чувствовала, как что-то внутри меня — замёрзшее, мёртвое — даёт крошечную трещину.

— Эй, ты чего? — Мира нахмурилась. — Я что-то не то сказала?

— Нет. — Я вытерла глаза рукавом. — Просто... давно никто не дарил мне подарков.

Мира посмотрела на меня долгим взглядом. В её васильковых глазах мелькнуло понимание — не жалость, а именно понимание, какое бывает у тех, кто сам пережил боль.

— Ну, — сказала она тихо, — теперь у тебя есть я. А у меня — ты. Договорились?

Я кивнула, не в силах говорить.

Вечером, лёжа в своей постели и глядя, как бумажные звёзды Миры тихо светятся в темноте (она зачем-то натёрла их фосфором), я думала о том, как странно устроена жизнь. Ещё позавчера я хотела умереть. Сегодня у меня есть комната, грант, кружка мятного чая и соседка, которая дарит вязаных светлячков.

И ещё я думала о том парне с моста. О его серебряных искрах и хриплом «жить надо». Интересно, он здесь? Может быть, он учится в этой самой Академии? Может быть, я когда-нибудь встречу его в коридоре и смогу сказать...

Что? Спасибо? Зачем?

Я перевернулась на бок и закрыла глаза. Завтра первый день. Первое занятие. Новая жизнь.

Будет ли она лучше старой — я не знала. Но впервые за много лет мне хотелось это выяснить.

Глава 4. Анатомия боли

Утро началось с голода.

Он был старым знакомым — тупая, ноющая пустота под рёбрами, к которой я давно привыкла. Живот сводило, но я научилась не обращать внимания. Голод был не самым страшным из того, что я носила в себе.

Я проснулась рано. Мира ещё спала, раскинувшись на своей кровати и сбив лоскутное одеяло в ком. С её губ слетало лёгкое посвистывание — не храп, а именно посвистывание, как у довольного котёнка. Бумажные звёзды над её изголовьем всё ещё слабо мерцали — фосфор, которым она их натёрла, не выдохся за ночь.

Я села на постели и первым делом полезла в свой вещевой мешок. Там лежало всё моё имущество.

Два платья. Одно — то самое, в котором я прыгнула с моста: дешёвая серая шерсть, протёртая на локтях до дыр, с пятнами речной воды и несмываемой грязи. Второе — выданное экономкой магистра Альвика: из грубого сукна мышиного цвета, мешковатое, с чужого плеча. Оно было чистым, но висело на мне, как мешок. Рубаха нижняя — льняная, застиранная до прозрачности, с заплаткой на боку. Чулки — штопанные-перештопанные, дырявые на пятках. Ботинки — стоптанные, с отходящей подошвой, которую я подвязала бечёвкой. Ещё был плащ — тот самый, украденный с

чужого огорода. И шерстяной шарф, который я связала сама три года назад из найденных ниток — кривой, неровный, но тёплый.

Вот и всё. Семь лет жизни уместились в мешок, который я могла поднять одной рукой.

Я надела серое платье, рубаху, чулки. Ботинки пришлось снова подвязывать — бечёвка ослабла. Я затянула её потуже, молясь, чтобы подошва продержалась хотя бы до вечера. Голова чуть кружилась — то ли от голода, то ли от волнения, то ли от того и другого.

— Ты уже встала? — пробормотала Мира, приоткрыв один глаз. — Ещё же рано.

— Не спится.

Она села, зевнула, потянулась и вдруг замерла, глядя на меня.

— Это твоя одежда, ты не получала форму?

Я невольно сжалась.

— Нет пока. А что с моей не так?

Мира помолчала. Потом встала, подошла к своему шкафу и вытащила что-то бирюзовое.

— Держи. Это мой старый шарф. Он мне маловат, а тебе будет в самый раз. Цвет освежает. И ещё... — Она порылась в сундуке и извлекла пару почти новых кожаных туфель. — Вот. Мы с тобой одного размера, кажется.

— Я не могу, — выдохнула я.

— Можешь. — Она сунула вещи мне в руки. — Это не подачка, не думай. Просто... у меня этого добра много, а тебе нужнее. Бери. А потом ходим за твоей формой.

Я прижала шарф к лицу. Он был мягкий, пах мятой (как и всё у Миры) и немного — магическими реагентами. От него веяло теплом.

— Спасибо, — прошептала я.

— Не за что. — Мира широко улыбнулась. — А теперь пошли на завтрак! Я умираю с голоду.

В столовой я чуть не расплакалась.

Там были столы, накрытые белыми скатертями. Корзины с хлебом. Масло. Сыр. Каша с сухофруктами. Чай, кофе, молоко. Студенты брали еду, не задумываясь, оставляли недоеденное на тарелках. Я смотрела на это и не могла поверить, что мне тоже можно. Что всё это — для меня.

— Ты чего застыла? — Мира подтолкнула меня в бок.

— Я... никогда не видела столько еды.

Она ничего не сказала, только взяла меня за руку и подвела к столу. Наложила полную тарелку каши, отрезала ломоть хлеба, налила чай.

— Ешь. И не вздумай стесняться.

Я ела. Медленно, осторожно, боясь, что еда исчезнет, если я поверю в неё слишком сильно. Но она не исчезала. И чай был горячим, и хлеб — мягким, и каша — сладкой от изюма. Я съела всё до крошки, и в животе разлилось непривычное тепло.

— Вот так-то лучше, — кивнула Мира. — А то смотреть страшно: кожа да кости. Ладно, побежали. Первое занятие — лекция по анатомии магии. Говорят, её ведёт какой-то старый жуткий профессор, от которого даже ректор шараха-

ется.

Лекционная аудитория находилась в подвальном этаже западной башни. Мы спустились по винтовой лестнице и оказались в большом зале с каменными стенами. Пахло сыростью, реактивами и чем-то ещё — горьким, как дым от сырых дров. Студенты рассаживались на деревянных скамьях. Я села в последнем ряду, стараясь быть незаметной, но Мира решительно потянула меня вперёд.

— Не прячься, — шепнула она. — Хорошее место — половина успеха.

Профессор появился ровно по звонку.

Он был старым. Очень старым. Высокий, но такой худой, что казалось — его кости гремят друг о друга при каждом шаге. Длинные седые волосы спускались на плечи, и от них поднималась тонкая струйка дыма — не от огня, а от него самого, как от затухающего костра. Лицо было изрезано глубокими морщинами, но глаза — ярко-зелёные, пронзительные, совсем не старые — смотрели с лукавым прищуром. Одет он был в бесформенный халат, прожжённый в нескольких местах, а из карманов торчали склянки с мутными жидкостями.

— Меня зовут Гелиодор Эшер, — произнёс он без всяких приветствий. Голос у него был низкий, с хрипотцой, но неожиданно приятный. — Можете звать Эш. «Профессор Эшер» — слишком длинно, а «магистр» я не люблю. Звучит как название болезни.

По аудитории пробежал смешок.

— Сегодня, — продолжил он, — я расскажу вам о природе боли. И о том, как работают с ней обычные целители.

Он обвёл аудиторию взглядом и вдруг остановился на мне. Всего на секунду. Но мне показалось, что его зелёные глаза пронзили меня насквозь.

— Боль, — сказал Эш, — это не наказание. Не проклятие. Не кара богов, в которую верят невежды. Боль — это информация. Самый честный язык, на котором говорит наше тело. Если сломана кость — боль сообщает: «Не наступай». Если повреждён орган — боль сообщает: «Ищи помощь». Это сигнал. Ничего больше. Ничего меньше.

Он подошёл к столу, взял маленькую клетку, в которой сидела белая мышь.

— Целитель работает с болью тремя способами. Первый

— зелья и травы. Заглушить симптом, убрать ощущение. Примитивно, но действенно. Второй — заклинания восстановления. Магия ускоряет естественные процессы организма: рана затягивается, кость срастается. Но магия не убирает боль из тела — она просто чинит то, что сломано. Боль уходит сама, когда исчезает её причина. Третий способ — работа с болевыми точками. Надавливание, иглы, блокировка нервных каналов. Тоже механика.

Он помолчал, обводя аудиторию взглядом.

— Ни один из этих способов не извлекает боль из тела. Ни один целитель в мире не может войти в тело пациента, схватить его болезнь и вытащить наружу. Это невозможно. Это противоречит законам магии. Потому что боль и болезнь — не предмет. Не субстанция. Это состояние. Нельзя вычерпать состояние ведром.

По аудитории пронёсся шепот. Эш поднял руку, призывая к тишине.

— Однако, — сказал он, — в истории магии существуют легенды. Сказки, если хотите. О людях, которые могли делать именно это. Их называли по-разному: эмпапы, сосуды боли, скорбные лекари. Говорили, что они способны принять чужую хворь в себя, пропустить через своё тело и либо ис-

целить, либо умереть самим. — Он сделал паузу. — Все эти легенды считаются ересью. Инквизиция отрицает саму возможность такой магии.

Я сидела, вцепившись в край скамьи. Моё сердце билось так громко, что, казалось, его слышит вся аудитория. Легенды. Ересь. Он говорил обо мне. О таких, как я.

— А что бывает с такими людьми? — спросил кто-то из студентов.

Эш пожал плечами.

— По официальной версии — они не существуют. По неофициальной — умирают. Быстро. Ни один человеческий организм не способен долго выдерживать чужую боль. Она разрушает носителя изнутри. Говорят, средний срок жизни эмпата — год. Может, два. Если он продолжает использовать свой дар.

Я смотрела на свои руки. На шрамы под рукавами. Сто сорок три человека. Семь лет. Я давно должна была умереть.

— Но это всё легенды, — подытожил Эш. — Наша с вами задача — изучить реальную анатомию боли. Открывайте учебники. Тема первая: «Болевые каналы и их блокировка».

После лекции я не могла уйти. Сидела на скамье, перева-
ривая услышанное. Мира убежала вперёд — у неё было за-
нятие по иллюзиям, — а я медлила, сама не зная зачем.

— Вы задержались, госпожа...

Я вздрогнула. Профессор Эш стоял в трёх шагах от меня.
От его волос всё ещё поднимался дымок. Он смотрел на меня
— и в его глазах не было праздного любопытства. Только
расчётливое, острое внимание.

— Элиана, — выдавила я. — Просто Элиана.

— Элиана, — повторил он. — У вас нет фамилии?

— Нет.

Он кивнул, будто это было в порядке вещей. Потом мед-
ленно, не повышая голоса, произнёс:

— Я много лет изучаю легенды об эмпатах. Я прочитал все
труды, которые не сожгла Инквизиция. Я опросил десятки
свидетелей. И я могу с первого взгляда отличить обычного
целителя от... другого. — Он помолчал, глядя мне прямо в
глаза. — Вы не задали ни одного вопроса на лекции. Вы не

удивились, когда я сказал, что эмпаты умирают молодыми. Вы просто сидели и сжимали край скамьи так, будто я читал вашу биографию.

Я молчала. Сердце колотилось где-то в горле.

— Я не сдам вас, — сказал он тихо. — Я сам когда-то верил, что такую магию можно изучить. Тридцать лет назад я попытался создать заклинание, которое имитировало бы перенос боли. Меня осудили за ересь. Лишили кафедры. Едва не отправили на костёр. — Он усмехнулся. — С тех пор я здесь. На птичьих правах. Но я не перестал искать.

Он шагнул ближе.

— Я не знаю, как вы выжили. Не знаю, сколько вы ещё протянете. Но если вы хотите научиться контролировать это — не подавлять, не прятать, а именно контролировать — приходите сегодня в полночь. Лаборатория номер тринадцать. В подвале. Я покажу вам то, чего нет в учебниках.

Он повернулся и пошёл к выходу. Его седые дымящиеся волосы ещё мгновение маячили в дверном проёме, а потом исчезли.

Я осталась одна в пустой аудитории.

Полночь. Лаборатория номер тринадцать.

Я не знала, можно ли ему доверять. Но он был первым за семь лет, кто сказал: «Я не сдам вас». Первым, кто не отшатнулся от того, что я — «легенда». Первым, кто знал, что эмпапы умирают молодыми, и всё равно предложил помощь.

Он сказал: год. Может, два.

Я прожила семь.

И теперь я впервые задумалась: почему? Что во мне такого, что позволило выдержать то, что не выдержал никто до меня? И может ли этот странный профессор с дымящимися волосами дать мне ответ?

Я вышла из аудитории и побрела к себе. В коридорах толпились студенты, смеялись, обсуждали лекции. Их лица были такими обыкновенными. Такими сытыми, ухоженными, беззаботными. Они не знали, что среди них ходит та, кого официально не существует. «Ересь». «Легенда».

Я не была легендой. Я была просто девушкой, которая семь лет назад взяла мать за руку и не дала ей умереть.

В комнате было пусто — Мира ещё не вернулась. Я села на кровать и достала вязаного светлячка. Сжала его в ладони. Посмотрела на бирюзовый шарф, подаренный Мирой. Потрогала свои старые ботинки — подошва всё-таки держалась.

«Жить надо», — сказал тот парень с моста.

«Приходите в полночь», — сказал профессор Эш.

Я вздохнула. Мир, который ещё три дня назад был пустым и бессмысленным, вдруг наполнился людьми. Они лезли в мою жизнь без спроса: спаситель без лица, старик-магистр с именованным грантом, веснушчатая Мира с её светлячками, а теперь ещё и этот странный профессор, который изучает таких, как я.

Я не знала, что с этим делать. Но впервые за семь лет мне захотелось узнать, что будет дальше.

Глава 5. Стальной силуэт

Форму мне выдали вечером.

Я до последнего не верила, что это правда. Стояла в очереди вместе с другими первокурсниками в подвале админи-

стративного корпуса, где размещался вещевой склад, и ждала, когда меня окликнут по имени. Очередь двигалась медленно. Студенты выходили из дверей склада, прижимая к груди свёртки с мантиями, и на их лицах сияла гордость. Я же чувствовала только страх. А вдруг меня нет в списках? Вдруг грант магистра Альвика — ошибка, и сейчас меня выставляют за дверь?

— Элиана.

Я вздрогнула. Кладовщик — пожилой мужчина с кожаным шнурком на шее вместо галстука — смотрел на меня поверх очков.

— Это я, — сказала я и тут же пожалела о том, как жалко это прозвучало.

Он сверился со списком, кивнул и скрылся в глубине склада. Вернулся с двумя свёртками и небольшим мешочком.

— Мантия парадная. Мантия повседневная. Стипендия за первый месяц. Распишитесь вот здесь.

Я смотрела на мешочек. Он был кожаный, с гербом Академии, и звякал металлом. Стипендия. Деньги. Мои собственные деньги, которые мне не нужно выпрашивать, красть или

отрабатывать в портовых борделях, куда я никогда не решалась пойти.

— Распишитесь, — повторил кладовщик.

Я взяла перо и вывела своё имя — криво, потому что пальцы дрожали. Когда-то мама учила меня писать. Я думала, что забыла как. Оказалось — нет.

В коридоре я отошла к окну и развернула первый свёрток. Парадная мантия. Тёмно-синяя, с серебряной каймой по вороту и рукавам — цвета факультета боевой медицины. Ткань была плотной, добротной, пахла краской и чем-то ещё — может быть, магической пропиткой. Повседневная оказалась проще: светло-серая, с синим кантом, из мягкой шерсти. Я прижала её к лицу и вдохнула. Она пахла новой жизнью.

В мешочке лежали монеты. Десять серебряных ассов — сумма, которую я никогда не держала в руках. Я пересчитала их дважды, спрятала за пазуху и завязала горловину потуже. Теперь у меня была еда. Крыша. Одежда. Впервые за семь лет мне не нужно было думать о том, где поспать и что съесть. От этого хотелось плакать. Или смеяться. Или и то, и другое.

Я переделалась тут же, в общей уборной. Старое серое платье я аккуратно сложила и спрятала в мешок — не потому, что хотела сохранить его как память (избавиться бы от всех воспоминаний разом), а потому, что привыкла ничего не выбрасывать. Мало ли. Вдруг всё это рухнет так же внезапно, как началось.

Новая мантия сидела хорошо. Чуть свободно в плечах, но это было даже к лучшему — скрывало мою болезненную худобу. Я замотала горло бирюзовым шарфом Миры (пусть не совсем по форме, но цвет мне шёл), поправила волосы и вышла в коридор.

Из зеркала на меня смотрела незнакомка. Студентка. Настоящая.

— Ого! — Мира налетела на меня у выхода из склада. — Вот это другое дело! Ты выглядишь почти как человек!

— Спасибо, — сказала я с лёгкой улыбкой. — Почти — это уже прогресс.

Она засмеялась и взяла меня под руку.

— Пошли скорее. Сегодня общее построение. Будет весь Академический состав и Инквизиция тоже. Говорят, ректор

речь толкать будет. И ещё... — она понизила голос, — там будет он.

— Кто «он»?

— Рейнхарт. Староста выпускного курса. Будущий верховный инквизитор. — Мира мечтательно закатила глаза. — Говорят, он холодный, как айсберг, и красивый, как грех. Я сама не видела, но девчонки только о нём и шепчутся.

Имя ничего мне не сказало. Но слово «инквизитор» резануло по нервам. Инквизиция. Те, кто охотится на таких, как я. Те, кто называет мой дар ересью. Я невольно коснулась груди, где за пазухой лежала стипендия, и напредила себе: я теперь студентка. Официально. Они не могут меня тронуть.

Или могут?

Построение проходило во внутреннем дворе. Все шесть факультетов выстроились ровными прямоугольниками на мощёной площади перед фонтаном. У каждого факультета — свой цвет. Боевой — тёмно-синий с серебром. Целители — зелёный с золотом. Артефакторы — фиолетовый. Изящные искусства — оранжевый. Алхимики — коричневый. И, наконец, последний, стоявший особняком, — чёрный с алым. Цвета Инквизиции. Их было немного — чело-

век двадцать, не больше, — но аура вокруг них была такая, что другие студенты старались не стоять слишком близко.

Я взгляделась в их шеренгу, и сердце рухнуло вниз.

Он стоял в первом ряду. Высокий, прямой, как клинок. Тёмно-серый мундир Инквизитора облегал его плечи, на левой стороне груди тускло мерцала серебряная брошь в виде всевидящего ока. Волосы — цвета тёмного серебра — были коротко стрижены. Лицо — аскетичное, с резкими скулами и жёсткой линией рта. Глаза — стальные, невероятно холодные, смотрящие прямо перед собой. Он стоял неподвижно, и эта неподвижность пугала больше, чем любое оружие.

Я узнала его.

Не лицо — его я в тот вечер не видела. Я узнала это ощущение. Эту ауру. Ту самую серебристую рябь, которая погасила мою магию в падении, даровав мне мгновение тишины. Она исходила от него — сдержанная, но ощутимая, как электричество перед грозой.

Мой спаситель был инквизитором.

Нет. Не просто инквизитором. Старостой выпускного курса. Будущим верховным. Тем, кто должен охотиться на

таких, как я.

— Вот он, — выдохнула Мира мне в ухо. — Рейнхарт. Ну что, поняла теперь, о чём я?

Я не ответила. Я не могла. Во рту пересохло, а перед глазами плыло.

Он спас меня. Он прыгнул за мной в ледяную реку. Он погасил мою боль своей антимагией. Он сказал: «Жить, дура. Жить надо». И ушёл в темноту, не назвавшись.

А теперь он стоит здесь, в двадцати шагах от меня, и даже не подозревает, что та самая девушка с моста стоит в шеренге первокурсников в тёмно-синей мантии. Что она смотрит на него и не знает — благодарить его или бежать без оглядки.

Ректор произносил речь. Я не слышала ни слова. Потом говорила какая-то женщина в чёрном — высокая, элегантная, с тугим пучком иссиня-чёрных волос и глазами без зрачков. Её голос был холодным и звонким, как сталь о сталь, и от него по коже бежали мурашки. Мира шепнула: «Это Лотта Вейс, верховный инквизитор, наставница Рейнхарта». Я смотрела на эту женщину и чувствовала, как что-то внутри меня сжимается в комок. Если она узнает, кто я...

А потом построение кончилось. Факультеты начали расходиться. Я машинально шагнула за Мирой, но мой взгляд всё ещё был прикован к чёрной шеренге. И в этот момент он обернулся.

Наши глаза встретились.

Всего на секунду. Может, на две. Его стальные глаза скользнули по мне — по моему лицу, по моей мантии, по бирюзовому шарфу, — и на мгновение что-то в них дрогнуло. Не узнавание. Скорее — тень смутного воспоминания, какое бывает, когда видишь человека, который напоминает кого-то, но не можешь вспомнить, кого. Его бровь чуть шевельнулась, на лбу прорезалась тонкая морщинка. Он всматривался. Вспоминал?

Я отвернулась первой.

— Ты чего? — спросила Мира. — На тебе лица нет.

— Всё нормально, — солгала я. — Просто... голова закружилась.

Она не поверила. Я видела это по её глазам. Но она не стала спрашивать. Просто взяла меня под локоть и повела прочь.

Вечером, лёжа в постели, я не могла уснуть. Бумажные звёзды Миры всё так же мерцали под потолком, и их свет казался мне единственным якорем в мире, который вдруг перевернулся.

Рейнхарт. Староста Инквизиции. Мой спаситель.

Я вспомнила всё, что говорила Мира. «Он холодный, как айсберг». «Будущий верховный инквизитор». «Охотится на тёмных магов». Таких, как я. На эмпатов, которых официально не существует. На «еретиков», чей дар считается невозможным.

Но он прыгнул за мной. Почему? Инстинкт? Случайность? Или его антимагия почувствовала что-то во мне ещё тогда, на мосту? Что-то, что требовало «погасить»?

И самое страшное: он видел меня сегодня. Не узнал, но заметил. Его взгляд задержался на мне дольше, чем на других. Может быть, он что-то заподозрил?

Я перевернулась на бок и сжала в кулаке вязаного светлячка. Мира тихо посапывала на соседней кровати, не подозревая, что её соседка — та самая «ересь», которую её красавчик-инквизитор должен отправить на костёр.

В полночь мне нужно было идти к профессору Эшу. В лабораторию номер тринадцать. Я дала себе слово, что пойду. Но теперь, после сегодняшнего построения, я понимала: каждый шаг в этой Академии может стать последним. Инквизиция здесь. Она смотрит. Она ждёт.

И тот, кто спас меня однажды, может стать тем, кто меня погубит.

Я закрыла глаза. Завтра будет новый день. И, наверное, новые ответы.

Или новые вопросы — что случилось со мной куда чаще.

Глава 6. Лаборатория номер тринадцать

Полночь в Академии пахла иначе, чем день.

Днём здесь пахло чернилами, свечным воском, горячей едой из столовой и множеством тел, согревающих каменные стены. Ночью же Академия выдыхала из себя всё лишнее, и оставался только холодный камень, сырость подвалов и что-то древнее, едва уловимое — как запах старой магии, въевшийся в кладку за столетия.

Я шла по тёмным коридорам, кутаясь в повседневную мантию. Бирюзовый шарф Миры обматывал горло — не столько для тепла, сколько для храбрости. Мои старые ботинки (подошва всё-таки держалась, спасибо бечёвке) ступали почти бесшумно — привычка, выработанная годами. Призраку не нужно, чтобы его слышали.

Лестница в подвал западной башни была узкой, винтовой, освещённой редкими магическими светильниками. Их свет был тусклым, синеватым, и от него тени на стенах казались живыми. Я спускалась, считая ступени, чтобы хоть чем-то занять разум, который метался между страхом и любопытством.

Лаборатория номер тринадцать оказалась в самом конце подвального коридора. Тяжёлая дубовая дверь, обитая железными полосами. Из-под неё пробивался свет — не магический, а живой, оранжевый. Свечи. Или камин.

Я подняла руку, чтобы постучать, но дверь распахнулась сама.

— Пунктуальность — редкое качество среди нынешней молодёжи, — произнёс профессор Эш, отступая в сторону. — Входите. И закройте за собой.

Лаборатория была небольшой, но такой захламлённой, что казалась ещё меньше. Вдоль стен громоздились стеллажи с книгами и свитками, перевязанными выцветшими лентами. На столах теснились колбы, реторты, ступки, пучки сушёных трав, банки с заспиртованными образцами (я постаралась не всматриваться, что именно в них плавало). В углу потрескивал камин, и его огонь отбрасывал пляшущие тени на каменные стены. Пахло дымом, реактивами и чем-то горько-сладким — как полынь с мёдом.

Эш указал мне на табурет у стола. Сам он уселся напротив, и я впервые смогла разглядеть его при нормальном свете. Дым от его волос поднимался тонкой струйкой, но огня нигде не было. Словно он сам был затухающим костром. Его зелёные глаза смотрели изучающе, но без враждебности.

— Прежде чем мы начнём, — сказал он, — я должен задать вам два вопроса. И я хочу услышать правду. В этих стенах Инквизиция меня не слышит — я об этом позаботился много лет назад.

Я кивнула, не доверяя голосу.

— Вопрос первый: сколько лет вы используете свой дар?

— Семь, — ответила я. — С двенадцати.

Он моргнул. Впервые за вечер что-то в его лице изменилось — не испуг, не удивление, а скорее глубокий, почти болезненный интерес.

— Семь, — повторил он. — Вы отдаёте себе отчёт, что средний срок жизни эмпата — от полугода до двух лет? И это при условии, что он использует дар раз в месяц. Не каждый день.

— Я не знала, — сказала я. — Мне не у кого было спросить.

— Сколько раз вы применяли его?

Я задумалась. Сто сорок три человека — столько я помнила по шрамам. Но были и те, кто не оставил следов на коже: лёгкие болезни, головные боли, страхи. Сколько их? Ещё несколько сотен?

— Я не считала, — соврала я.

Эш поднялся и начал расхаживать по лаборатории.

— Вопрос второй, — сказал он. — Вы когда-нибудь пытались не принимать чужую боль в себя, а перенаправить её?

В предмет? В землю? В растение?

— Я не знала, что так можно.

Он остановился и посмотрел на меня.

— Так никто не может. — Он усмехнулся. — Это и есть то, что делает вас уникальной. Обычный целитель не может «забрать» боль и перенаправить её. Он вообще не может её забрать. Он работает с телом: сращивает кости, затягивает раны, снимает воспаление. Боль уходит сама, когда исчезает её причина. А вы... вы делаете то, что невозможно. Вы входите в тело пациента, как в открытую дверь, и выносите оттуда болезнь. Как вещь. Как предмет.

Он шагнул ближе.

— Я изучал легенды об эмпатах тридцать лет. Я верил, что они существовали. Но все источники утверждали: эмпаты умирали. Быстро. Почти мгновенно по историческим меркам. Потому что человеческое тело не приспособлено быть сосудом для чужой боли и болезней. Это как пытаться выпить море — организм не выдерживает. — Он помолчал. — А вы выдержали. Семь лет. Каждый день. И вы до сих пор стоите на ногах. Как?

— Я не знаю, — прошептала я. — Иногда я хотела умереть. Иногда надеялась, что следующий раз станет последним. Но я... не умирала. Даже когда очень хотела.

Эш долго смотрел на меня. Потом взял с полки небольшой глиняный горшок с растением — каким-то чахлым кустиком с серыми листьями.

— Давайте проверим, — сказал он, — на что вы способны.

Он взял скальпель и, прежде чем я успела ахнуть, полоснул себя по ладони. Не глубоко — но кровь выступила сразу, алая, яркая.

— Вы с ума сошли! — выдохнула я.

— Успокойтесь. Мне не привыкать. — Он протянул мне раненую руку. — А теперь попробуйте. Я хочу, чтобы вы забрали боль из этой раны. Но не в себя. — Он указал на горшок с растением. — Перенаправьте её туда.

Я уставилась на его ладонь. Кровь капала на каменный пол. Его лицо оставалось спокойным, будто он и не чувствовал боли. Может, действительно не чувствовал — кто знает, что этот человек делал с собой за тридцать лет исследований.

— Я не умею, — сказала я. — Я всегда...

— ...принимала в себя. Знаю. Поэтому мы и здесь. Пробуйте.

Я протянула дрожащую руку и коснулась его ладони. Кожа была горячей и шершавой. Я закрыла глаза.

Боль пришла сразу — резкая, жгучая, пульсирующая. Порез. Неглубокий, но болезненный. Моё тело отреагировало привычно: потянуло боль в себя, как губка тянет воду. Я почувствовала, как она течёт по моим пальцам, поднимается к запястью, к локтю... И тут я попыталась остановить её.

Это было похоже на попытку повернуть реку вспять. Боль сопротивлялась. Она хотела в меня. Она всегда хотела в меня — я была для неё идеальным сосудом, открытым, ждущим. Но я стиснула зубы и — мысленно, отчаянно, как утопающая за соломинку — схватилась за образ растения. За этот чахлый кустик в горшке. За его серые листья и сухую землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.